ВЫЕМКА (*).

По сосѣдству съ моей деревней было сельцо *Кормиловка*, Шмаково то жь, помѣстье вдовы, поручицы Прудиковой. Она для воспитанія внучатъ своихъ жила въ губернскомъ городѣ и наѣзжала только въ деревню по важнѣйшимъ промежуткамъ деревенскаго быта, при посѣвѣ и уборкѣ хлѣбовъ.

Усадебка стояла на видномъ и красивомъ мѣстѣ: подъ самыми окнами протекала рѣчка, по одну сторону мельница и поле, по другую — лѣсъ по угорью, а подъ нимъ чистый и ровный лугъ; съ третьей стороны, наконецъ, садъ, съ вѣтвистой, живой изгородой боярышника. Земля была особнякъ; крестьяне довольнозажиточные; пять–шесть трубъ на избахъ по деревнѣ и красные коты въ праздникъ на бабахъ — вотъ что и на

(*) Разсказъ этотъ найденъ мною въ бумагахъ моихъ, гдѣ складывались много лѣтъ запасы и присылки всякаго рода; но я не знаю теперь, чей и откуда онъ. Во всякомъ случаѣ, онъ относится къ давнопрошедшимъ временамъ.

первой взглядъ уже отличало деревушку эту отъ многихъ сосѣднихъ. Дороги, мостки и вообще все земство, какъ ни тяготило оно подъ–часъ Прудикову, отбывалось, однакожь, такъ исправно, что секретарь земскаго суда былъ этимъ крайне–недоволенъ.

Случился годъ отмѣнно–плодородный: тридцать–три копны ржи становилось на десятинѣ и копна давала умолоту болѣе четверти: девять мѣръ вирхомъ. Яровые были еще лучше.

Посреди отрѣзной земли Кормиловки было всего двѣ десятины, принадлежавшія селу Широколѣсью, котораго владѣлецъ перекочевывалъ изъ одной столицы нашей въ другую и каждый другой, третій годъ укатывалъ за границу. У него управляли свои конторщики, а завѣдывалъ ими самъ секретарь земскаго суда, которому владѣлецъ весьма–предусмотрительно предпочелъ предоставить жалованье управляющаго.

Широколѣсовцы, отправляясь на барщину къ двумъ десятинамъ своимъ,

отбившимся такъ далеко въ сторону, разсуждали: «Зачѣмъ бы, кажись, экому клоку зайти въ чужой особнякъ? И что бъ было барину нашему промѣнять, либо продать его, а не то и вовсе бросить! Что ему? Онъ богатъ, а это, видимо, неправедное добро должно быть какъ–нибудь отбито, а у кормиловской барыни земли немного». Кормиловцы, съ своей стороны, также ужь не разъ глядѣли съ досадой и завистью на эти наѣзды широколѣсовцевъ и часто разсуждали о томъ, что тѣхъ понапрасну пускаютъ въ чужое добро и что надо бы ихъ проучить. А какъ изъ нихъ кто–то слышалъ также толки объ этомъ широколѣсовцевъ и прибавилъ, побожившись до трехъ разъ, что тѣ и сами дивуются своей поживѣ, то кормиловская рабочая молодёжь, глядя на жнущихъ полоса–о–полосу съ ними широколѣсовцевъ, расходились и закричали–было: «Въ колья ихъ, ребята!» — «Не гуторьте въ колья» сказали старики: «у кола два конца; а вотъ лучше накажемъ опять барынѣ: она, намедни,

вишь, не дала отвѣта; а мы доложимъ: «барыня–сударыня, землица–то эта споконъ–вѣку наша; вѣдь мы своими руками соху держивали по ней и въ добрый часъ подъ дождичекъ зерномъ брызгивали; такъ твоя воля, а безъ обиды будетъ, коли прикажешь намъ со своего поля хлѣбецъ снять».

Къ обѣду помѣщица возвратилась съ поля домой, на дѣдовской линѣйкѣ, окруженная внучатами и пробными снопами ржи и пшеницы. Она радовалась этой благодати, разсчитывала доходъ и располагала имъ мысленно на необходимыя нужды милыхъ питомцевъ своихъ. Увидя бѣгущихъ на нее по жнивамъ со всѣхъ сторонъ крестьянъ, она приказала остановиться и, въ недоумѣніи, ожидала прибытія ближайшихъ, чтобъ узнать, что тамъ случилось. Толпа набѣжала, и мужики, снявъ шапки, съ жаромъ и запыхавшись, одинъ въ перебой другому, старались объяснить, что «землица эта въ вашемъ клину, матушка; она споконъ–вѣку была Артемьевыхъ, от которыхъ и перешла

къ вашей милости Кормиловка, а это, сказываютъ старики, подъ съёмъ брали они когда–то, да такъ, вишь, за собой и укрѣпили; а крѣпей нѣтъ никакихъ у нихъ, матушка, и землица–та наша; таперя они скосили рожь и сложили, такъ мы соберемъ ее міромъ: въ другой разъ не пойдутъ они, разбойники, въ чужіе клины».

Прудикова успокоилась, услышавъ, что крестьяне прибѣжали къ ней съ такими пустяками, а потому велѣла кучеру ѣхать, махнувъ рукой и сказавъ: «послѣ разберемъ». Она, точно, хотѣла послѣ обѣда разобрать крѣпости свои и планы и разузнать дѣло. Мужики остановились разинувъ ротъ, и спрашивали другъ друга: «Никакъ приказала?» Нѣсколько голосовъ подтвердили это самымъ положительнымъ образомъ, и божились, что барыня приказала разобрать, то–есть поднять хлѣбъ. Староста, подоспѣвшій уже по отъѣздѣ барыни, положился на міръ и очень–доволенъ былъ этимъ приказаніемъ, чтобъ–де проучить хорошенько широколѣсовцевъ, и тотчасъ же сталъ

распоряжаться. Барыня еще видѣла, что онъ жарко разговариваетъ, сбивая палкой верхушки придорожнаго мордвинника, но она была увѣрена, что онъ бранитъ мужиковъ за глупую выдумку ихъ и спокойно продолжала путь.

Передъ вечеромъ поднялась сильная гроза и прошелъ грядою крупный дождь. Кормиловцы, убравъ гумна свои, весело садились ужинать. Вдругъ по деревнѣ залились колокольчики исправника, который ихъ всегда привѣшивалъ по два. За нимъ слышался одинокій брякъ неменѣе–знакомаго цѣлому уѣзду колокольчика писаря исправника. Бабы взохались, куры взлетались, а мужики поглядывали и повторяли сосѣдъ сосѣду: «смотри, не выдавать!»

Но тутъ уже выдали глубокія, свѣжія колеи по мокрому полю, отъ самаго спорнаго жнива и до кормиловскихъ дворовъ. Первая баба, попавшаяся исправнику на глаза, едва выждала привѣтствія его съ приправкою надлежащей угрозы, какъ повалилась въ ноги и

разсказала все, до ниточки: такъ и такъ свезенъ хлѣбъ съ поля и вотъ какъ сложенъ по одоньямъ у всѣхъ крестьянъ, въ нижнихъ вѣнцахъ; одинъ только староста не принялъ хлѣба къ себѣ, но распоряжался, и все сдѣлано съ его вѣдома.

Съ исправникомъ были понятые, десятскіе, сотскій и разсыльный. Пошло разбирательство, и тотчасъ же приступили къ выемкѣ поличнаго. Вся налетѣвшая стая мгновенно разсыпалась по деревнѣ, которая огласилась изъ конца въ конецъ плачемъ, ревомъ и крикомъ. Десятники въ–особенности отличались: между–тѣмъ, какъ понятые широколѣсовцы раскидывали одолья и навивали снопы, тѣ бѣгали, для порядка, по дворамъ и избамъ, которыя были пусты, и захватывали все, что удобно могли унести. По всему сельцу поднялся такой крикъ и вой, что бѣдная помѣщица, вмѣстѣ съ дворней, стояла въ недоумѣніи передъ домомъ и смотрѣла на происходящее, какъ на дурной и безтолковый сонъ. Наконецъ она

опомнилась и увидѣла передъ собой эту неотвратимую гибель и разореніе. Она потерялась и не знала, что придумать для спасенія; уже два раза ей самой сдѣлалось дурно, и ей подавали гофманскія капли; дѣти плакали; дворня заламывала руки и призывала Бога на помощь. Она скорыми шагами бросилась въ деревню, гдѣ без счета навивались снопы на телеги широколѣсовцевъ, которые пріѣхали–было поднимать рожь на своемъ клину и никакъ не угадывали, что подымутъ ее съ корниловскихъ одоньевъ. Помѣщица собралась съ духомъ и обращается къ исправнику съ просьбой, ради Бога пощадить крестьянъ, не разорить въ одинъ разъ трудовъ и надеждъ цѣлаго года, отъ которыхъ зависитъ все ихъ существованіе.

Исправникъ былъ занятъ распоряженіями и притомъ сильно взволнованъ, а потому и не пошевелилъ пальцемъ на вѣжливый поклонъ старой помѣщицы. Выпуская изъ–за зубовъ табачный дымъ, вмѣстѣ съ бранью на

крестьянъ, онъ внѣ себя рычалъ одно: «всѣхъ въ Сибирь!»

Услышавъ еще это, Прудикова какъ–будто получила болѣе нравственной силы, по мѣрѣ увеличивавшейся бѣды; она сказала въ ту же минуту: «Милостивый государь, я прошу васъ выслушать меня: крестьяне мои ни въ чемъ не виноваты; прошу васъ вѣдаться со мною: я приказала свезти этотъ хлѣбъ».

«Что, что, сударыня?» сказалъ исправникъ скороговоркой, вытянувшись вдругъ во весь ростъ и снявъ съ головы фуражку... Прудикова повторила опять то же, надѣясь спасти этимъ крестьянъ своихъ отъ разоренія и впослѣдствіи кончить дѣло, принявъ все на свою отвѣтственность. Она видѣла, что мужики попали въ бѣду эту чисто по глупости своей, и притомъ, разсмотрѣвъ планы свои и крѣпости, нигдѣ не нашла чужаго клина въ своей землѣ.

Исправникъ замолкъ, усмѣхнулся, отдалъ сотскому трубку и, принявъ важный видъ, обратился къ стороннимъ людямъ, прибѣжавшимъ изъ любопытства на

зрѣлище это, и къ понятымъ: «Вы, слышите ли» закричалъ онъ во все горло «что госпожа–помѣщица говоритъ: она призналась при всѣхъ, что сама приказала крестьянамъ своимъ грабить рожь и воровски прятать — слышали?» — «Слышимъ!» заорала толпа.

«Не воровать, не грабить, милостивый государь» стала–было говорить Прудикова, «но забрать то, что мнѣ по праву принадлежитъ. Я отвѣчаю всѣмъ достояніемъ своимъ, если я виновата; но Бога ради велите остановить этотъ грабежъ...»

Исправникъ отвернулся уже отъ нея, и, провожаемый толпою, скорыми шагами перешелъ на другое мѣсто. Поздно въ ночи, болѣе семидесяти широколѣсовскихъ телегъ, нагруженныхъ въ волю хлѣбомъ, шумно выѣзжали изъ Кормиловки; вслѣдъ за телегами шли мужики кормиловскіе и староста со связанными руками. Подобранные подъ голосъ два колокольчика заглушали не столь–смѣлый звукъ третьяго, долго разливались по полю

и смолкли уже за лѣсомъ. Въ Кормиловкѣ во всю ночь раздавался только лай и вой встревоженныхъ собакъ, плачъ дѣтей и вопли бабъ.

Проходитъ ночь, и день, и еще сутки, и недѣля — никакихъ вѣстей изъ города нѣтъ. Хлѣбъ собирается гнить на корнѣ, а что было скошено и свожено, поднято широколѣсовцами, или потоптано. О крестьянахъ никакого слуха.

Отчаянная Прудикова бросилась къ одному изъ сосѣдей, ко мнѣ, разсказавъ весь ужасъ своего положенія. Я хотѣлъ–было скакать тотчасъ же въ губернскій городъ, жаловаться губернскому правленію, просить губернатора, но разсудилъ, что ни въ какомъ случаѣ тамъ не постановятъ какое–нибудь рѣшеніе, не сдѣлавъ напередъ исправнику запроса, а оттуда до нашего уѣзднаго города было сто–восемьдесятъ верстъ; я зналъ губернатора хорошо, служивъ съ нимъ нѣкогда въ одномъ полку и будучи съ нимъ раненъ подъ Тарутинымъ однимъ и тѣмъ же картечнымъ выстрѣломъ; но, по принятому

порядку, и губернаторъ ничего не могъ сдѣлать безъ слѣдствія, а между–тѣмъ, отсутствіе всѣхъ рабочихъ крестьянъ въ самую страду, въ рабочую пору, должно было повлечь за собою для нихъ голодъ на цѣлый годъ, а для Прудиковой совершенное разореніе. Я поскакалъ прямо въ городъ, къ исправнику.

Пріѣзжаю. Я сказалъ уже, что это было давно: тогда не было еще становыхъ; казенныя волости составляли главную силу и рать земской полиціи; сотскіе были не простые разсыльные и конвойные, и хотя употреблялись на чистку сапоговъ и ставку самовара, но при наѣздахъ на помѣщичьи имѣнія пользовались значительнымъ самоуправствомъ; какой–нибудь сотскій или выборный, съ почетнымъ прозвищемъ *вора*, въ смыслѣ тонкаго плута, ворочали дѣлами и нехудо было при нуждѣ всегда начинать снизу и сдѣлываться напередъ съ ними... Итакъ, пріѣзжаю рано утромъ, на самое Преображенье. Исправникъ бранилъ голову какой–то волости, выписавъ его для этого нарочно, и въ то же время подносилъ

своеручно ерофеичу выборному вору Васькѣ, предъ которымъ дрожалъ весь уѣздъ. Въ передней снимали, между–тѣмъ, допросы съ кормиловскихъ крестьянъ и записывали показанія ихъ и понятыхъ въ нѣсколько рукъ. Всѣ преступники стоятъ со связанными руками, съ воплями просятъ о помилованіи, валяются въ ногахъ у писарей. Не пускаясь въ разсужденія со мною, исправникъ пожалъ плечами, развелъ руками и приказалъ подать мнѣ объявленіе широколѣсовскаго конторщика объ ограбленіи насильственно съ угрозами, а равно съ жестокими побоями и посягательствомъ на жизнь, кормиловскими крестьянами семидесяти телегъ хлѣба, съ заключеніемъ о поступленіи съ виновными, извѣстными ворами и грабителями, по всей строгости законовъ.

«Чѣмъ же все это кончится?» спросилъ я исправника, который все–таки оказывалъ мнѣ лично нѣкоторое снисхожденіе, зная близкія связи мои съ губернаторомъ. Исправникъ самъ былъ столбовой дворянинъ и прежде служилъ.

«Разумѣется, чѣмъ» отвѣчалъ онъ: «Сибирью. Завтра соберу двѣнадцать человѣкъ нашихъ дворянъ для учиненія повальнаго обыска у Прудиковой; о крестьянахъ же ея, старинныхъ ворахъ и мошенникахъ, неодобренныхъ и теперь повальнымъ обыскомъ, все уже завершено. Сибирь, разумѣется, Сибирь. Законы на грабежъ и разбой потачки не даютъ».

Я сталъ просить убѣдительно исправника, чтобъ онъ по–крайней–мѣрѣ отпустилъ временно крестьянъ; иначе вся деревня, и съ госпожою своею, останутся безъ зерна хлѣба. Онъ отвѣчалъ, что они скоро поступятъ на казенный хлѣбъ, и что въ просьбѣ моей заключается желаніе о такой потачкѣ ворамъ, на которую онъ никогда не рѣшится, какъ благородный человѣкъ, знающій свои обязанности.

Меня взяла такая досада, что я съ великимъ трудомъ удержалъ наружное спокойствіе; во мнѣ кровь кипѣла, и я почти–безсознательно, видя неотвратимую гибель моей доброй сосѣдки, пересыпалъ въ руку исправника десять золотыхъ.

Говорю и теперь, я не знаю самъ, какъ это сталось, какъ мы поняли другъ друга и откуда взялась въ самое это время горсточка исправника, принявшая приношеніе. Пересчитавъ однимъ взглядомъ золотые и опустивъ ихъ въ карманъ, онъ шепнулъ мнѣ на–ухо: «Почтеннѣйшій! такое казусное дѣло во всю службу разъ, либо два придетъ. Это не тѣмъ пахнетъ: тысячу рублей за крестьянъ, да три тысячи за помѣщицу, что участвовала съ ними въ грабежѣ. Она сама призналась, при свидѣтеляхъ. Вы согласитесь со мною, благодѣтель мой, когда потрудитесь заглянуть въ уголовные законы».

Какъ ни поразило меня все это, но первая мысль моя была послѣ всего, что я видѣлъ и слышалъ, сомнѣніе въ возможности окончить дѣло домашнимъ образомъ, и я спросилъ: «А допросы и обыски? а просьба конторы?»

Исправникъ молча разсѣкъ воздухъ плоскою ладонью крестомъ, вдоль и поперегъ.

Во мнѣ вскипѣло что–то до такой степени, что едва не перешло черезъ край. Я поспѣшилъ выйдти. У меня не достало духу ѣхать къ Прудиковой. Какими глазами я буду на нее глядѣть, когда скажу: «Давай четыре тысячи рублей ассигнаціями (по старому счету), которыхъ у тебя нѣтъ, или — ты нищая и мужики твои погибли?» Ѣхать въ губернскій городъ также было низачѣмъ: однѣ только наличныя деньги могли поправить дѣло — болѣе ничто и никто.

Я послалъ надежнаго человѣка къ Прудиковой передать чотко то, чего нельзя было написать, но самъ отъ посредничества отказался. Могу сказать въ похвалу исправника только то, что онъ не запрашивалъ и не торговался: онъ не спустилъ ни одной копейки. Помѣщица заложила купцамъ и мѣщанамъ столовое серебро, перстеньки и серёжки дѣтей и внучатъ, продала за безцѣнокъ весь скотъ и часть хлѣба на корню — дѣло было кончено и крестьяне воротились домой.

Скажу еще слово о томъ, что я узналъ послѣ. На слѣдующее трехлѣтіе меня избрали исправникомъ. Съ одной стороны, послѣ того, что я разсказалъ теперь, мнѣ какъ–то совѣстно было принять должность; но надежда быть сколько–нибудь полезнымъ и собственныя дѣла — чистыя да нескончаемыя безъ особеннаго вліянія, заставили меня рѣшиться. Мнѣ надо было наконецъ размежеваться съ однодворцами и хотѣлось возобновить дѣдовскую мельницу, а то и другое *дѣльцо* стоило по оцѣнкѣ много, если рѣшеніе достанется въ руки, каковъ былъ, напримѣръ, мой предшественникъ. Долго я, по неопытности своей, привыкалъ и прислушивался къ дѣламъ, и понялъ теперь, что значитъ секретарь для человѣка, который едва–ли не въ первый разъ ступилъ ногою въ земскій судъ, когда его выбрали исправникомъ... Но рѣчь о семидесяти копнахъ ржи, и я полюбопытствовалъ взглянуть на это дѣло. Заголовокъ занималъ цѣлую страницу, съ исчисленіемъ всѣхъ ужасовъ самовольства и деннаго

грабежа кормиловцевъ, при соучастіи самой помѣщицы. Затѣмъ слѣдовала просьба или заявленіе конторщика, въ которомъ, между–прочимъ, не было ни слова о поступленіи съ виновными по всей строгости законовъ, а просили только о возвращеніи хлѣба. Исправникъ, какъ мнѣ объяснили, невзначай залилъ чернилами первую просьбу, а потому позвалъ конторщика изъ Широколѣсья и продиктовалъ ему очень–спѣшно новую просьбу, такъ–что тотъ не успѣвалъ писать со словъ его, а затѣмъ исправникъ приказалъ ему разорвать при себѣ старую просьбу. Впрочемъ, не было ни повальныхъ обысковъ, ни допросовъ крестьянъ и показанія свидѣтелей и понятыхъ, а простое постановленіе суда о томъ, что исправнику лично выѣхать на мѣсто, удостовѣриться въ справедливости просьбы и немедленно заставить удовлетворить обиженныхъ, что и было исполнено, и въ этомъ приложена расписка конторщика. Въ такомъ видѣ дѣло зачислено было поконченнымъ и сложено въ архивъ.